

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор); Свидетельство ПИ № ФС 77-71737 от 08.12.2017

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>, свободный.

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

№ 2 (53)
2021

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Зах В.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: viczakh@mail.ru

КУРИЛЬНИЦЫ И БЛЮДА-АЛТАРИКИ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются изделия, называемые курильницами, распространенные у кочевников Приуралья и Западной Сибири и, вероятно, связанные с ритуальными действиями, при которых воскуряются определенные вещества. Эти предметы представляют собой небольшие каменные или глиняные чаще всего цилиндрические емкости, иногда с отверстиями в стенках, а также многообразные другие формы, в том числе с поддонами и перегородками. Они присутствуют в материалах многих культур Евразии и широко известны в сарматских памятниках IV–III вв. до н.э. Приуралья, а за Уралом — в саргатской культуре. Однозначного мнения об их применении нет. Но встречаются захоронения, в которых сохранились курильницы вместе с другими, на наш взгляд, сочетающимися с ними предметами: плоскодонными сосудами, в некоторых случаях — каменными подставками, что позволяет «собрать» весь «инструмент», предположительно использовавшийся в процессе обряда. В плоскодонную банку с тлеющими углями, помещенную на каменную подставку, устанавливалась емкость, в которую бросались вещества для воскурения, в том числе, вероятно, обладающие галлюциногенными свойствами. Предметы и такого рода действия с ними напоминают детали описанного Геродотом обряда ритуального очищения после погребения у скифов.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, саргатская культура, поселения, погребения, плоскодонный сосуд, курильница, блюда-алтарики, ритуальные обряды.*

Введение

Не часто бывает, что рассказчик не только сообщает о современных ему исторически значимых событиях, но и описывает быт, обряды и верования народов, о которых не осталось почти никаких источников, кроме археологических. Как бы критически ни относились исследователи к «Истории» Геродота [Кисель, 2007, с. 69], благодаря ему до нас дошли удивительно подробно переданные детали некоторых ритуалов у скифов. Среди них интересен обряд ритуального очищения. «Совершив погребение, скифы очищаются таким способом: вымыв и умастив головы, они проделывают с телом следующее. Поставив три жерди, наклоненные одна к другой, они натягивают вокруг них шерстяные покрывала. Сдвинув покрывала как можно плотнее, они кидают в чан, поставленный в середине жердей и покрывал, раскаленные докрасна камни... взяв зерна... конопли, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные [на огне] камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не сможет это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, вопят. Это у них вместо мытья...» [Доватур и др., 1982, с. 129].

На территории обитания скифов в Северном Причерноморье атрибутов, связанных с этим обрядом, не найдено, хотя изделия, называемые курильницами, широко известны в древнем мире. Такого рода подвесные изделия и приспособления на подставках и треножниках появились в Трое, Тиринфе, а затем отмечены у греков Боспора, Херсонеса и скифов [Дашевская, 1980]. Скифские курильницы, представляющие собой сосудики на подставках, поддонах, с плоскими днищами и отверстиями на тулове, встречаются с погребенными и являются античными фимиатериями [Там же]. Но на более широких степных и лесостепных пространствах в IV–III вв. до н.э. в среде кочевников получили распространение каменные и керамические курильницы-алтарики и курильницы из керамики, напоминающие небольшие круглодонные и плоскодонные сосудики. Исходя из этого В.А. Кисель делает вывод, что ритуал, описанный в «Истории», должен датироваться не позднее начала V в. до н.э. и существовал только у населения азиатских степей, поэтому Геродот не мог быть его очевидцем, а «использовал фрагмент письменного труда, автор которого лично побывал у азиатских кочевников» [2007, с. 70]. Подтверждением бытования обряда, связанного с воскурением, однако, на наш взгляд, имеющего иной смысл, являются находки курильниц в памятниках савромато-сарматского населения Приуралья и саргатских комплексах лесостепной части Тоболо-Иртышья.

В настоящей статье мы попытаемся обобщить сведения о цилиндрических курильницах и блюдах-алтариках из памятников лесостепной саргатской культуры IV–II вв. до н.э. (включая и

находки из памятников, относимых к гороховской и/или баитовской культурам) и предлагаем версию их применения.

Материалы исследования

Среди всего разнообразия сосудов-полипов (название предложено Г.Ф. Коробковой и О.Г. Шапошниковой) [2005, с. 55] курильницы встречаются достаточно редко. Находки самых ранних рассматриваемых изделий в Восточной Европе связаны с ямно-катакомбным, а на территории восточнее Урала — с афанасьевско-окуневским миром культур. Начиная с этого периода в Евразии, в частности в Сибири, наряду с сосудами, выходящими за рамки стереотипов афанасьевской и окуневской культур и называемыми разными исследователями «курильницами», «вазочками», «жаровнями», «светильнями» и т.д. [Фрибус, 2014], присутствуют изделия, форма и, вероятно, функциональное назначение которых не менялись на протяжении длительного времени. Имеются в виду небольшие цилиндрической и слегка конусовидной формы глиняные емкости, на ранних этапах — иногда с небольшими ручками, поддоном и отверстиями в стенке. В Минусинской котловине и на Алтае такие изделия происходят из захоронений афанасьевской и окуневской культур [Вадецкая, 1986], известны они на поселениях Чепкуль 5, 20 коптяковской культуры в Притоболье [Зах, 2012] и в погребениях могильника Тасты-Бутак [Андроновская культура, 1966]. В этом плане представляют интерес каменные и глиняные блюда-алтарики из разных могильников Западной Сибири, а также своеобразные глиняные изделия небольших объемов из Красногорского городища на Исети [Матвеев, Аношко, 2009], относящегося к переходному времени от бронзы к раннему железу, поселения Ордынское 9, могильника Быстровка 1 большереченской (каменной) культуры в Приобье [Троицкая, Бородовский, 1994], поселений иткульской культуры предгорий Урала [Бельтикова, 1977], в частности Зотинского 3 городища [Борзунов, 2018, рис. 3, 19], Иртышского 1 городища [Археология Южного Урала, 2016, рис. 31, 25, 26], и восточного варианта иткульской культуры (см., напр.: [Зимица, Зах, 2009, рис. 24, 4, 17].

Основным материалом исследования послужил инвентарь (курильницы и блюда-алтарики) из погребальных и поселенческих комплексов саргатской культуры, расположенных в лесостепной части Западной Сибири от предгорий Урала до среднего течения Оми в Барабе и от слияния Тобола и Иртыша до границы со степью (рис. 1). Основной ареал культуры находился в северной и центральной части лесостепи, по долинам и междуречьям Оми, Иртыша, Ишима, Тобола и Исети. К сожалению, в процессе освоения русским населением лесостепной части Западной Сибири в XVII–XVIII вв. около 80 % саргатских погребальных комплексов было ограблено «бугровщиками» или позднее уничтожено распашкой [Матвеев, Маслякова, 1991; Матвеева, 1993, с. 144]. Ограблению подверглись и захоронения, содержащие рассматриваемые предметы, поэтому не всегда возможно определить местоположение изделия и пол погребенного. Сохранилось лишь незначительное количество неразграбленных захоронений с сосудиками-курильницами и блюдами-алтариками, находящимися *in situ*.

Сосудики-курильницы. Небольшие плоскодонные цилиндрической, чашевидной формы сосудики, сделанные из камня, или глиняные со значительной примесью талька, с одним или несколькими отверстиями в стенках и иногда от одного до четырех сосцевидными выступами на внутренней поверхности дна. Как правило, внешняя поверхность курильниц орнаментирована резным зигзагом или треугольниками. Широко распространены в комплексах прохоровской культуры. По типологии М.Г. Мошковой изделия относятся к IV типу [1963], а по К.Ф. Смирнову — к I типу сарматских курильниц [1973, рис. 1], датируются III–II и IV–II вв. до н.э. соответственно.

В Притоболье, как отмечает Н.П. Матвеева, в середине 1990-х г. было известно 7 курильниц, найденных на Рафайловском городище и в погребениях 3 курганных могильников. Выделены четыре типа изделий, датируемых III–II вв. до н.э. [Матвеева, 1993, с. 114, табл. 36]. Первые три типа близки между собой, за исключением некоторых различий в форме, наличия или отсутствия сосцевидных выступов на внутренней поверхности дна. Курильница типа 4 кардинально отличается от предыдущих, представляет собой изделие в виде вазы с поддоном, изготовлена из заталькованного глиняного теста, верхняя часть курильницы разграничена перегородками [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 124].

Все остальные курильницы, кроме упомянутой выше, относятся к одному из трех выделенных типов. Предмет из кургана 7 Тютринского могильника найден в южной части кургана у кострища вместе с обломками саргатских сосудов и камушками с отверстиями [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 123, рис. 5, 13]. Курильница отличается от основной массы аналогичных изделий, изготовлена из талька, с округлым дном, без орнамента и отверстия в стенке.

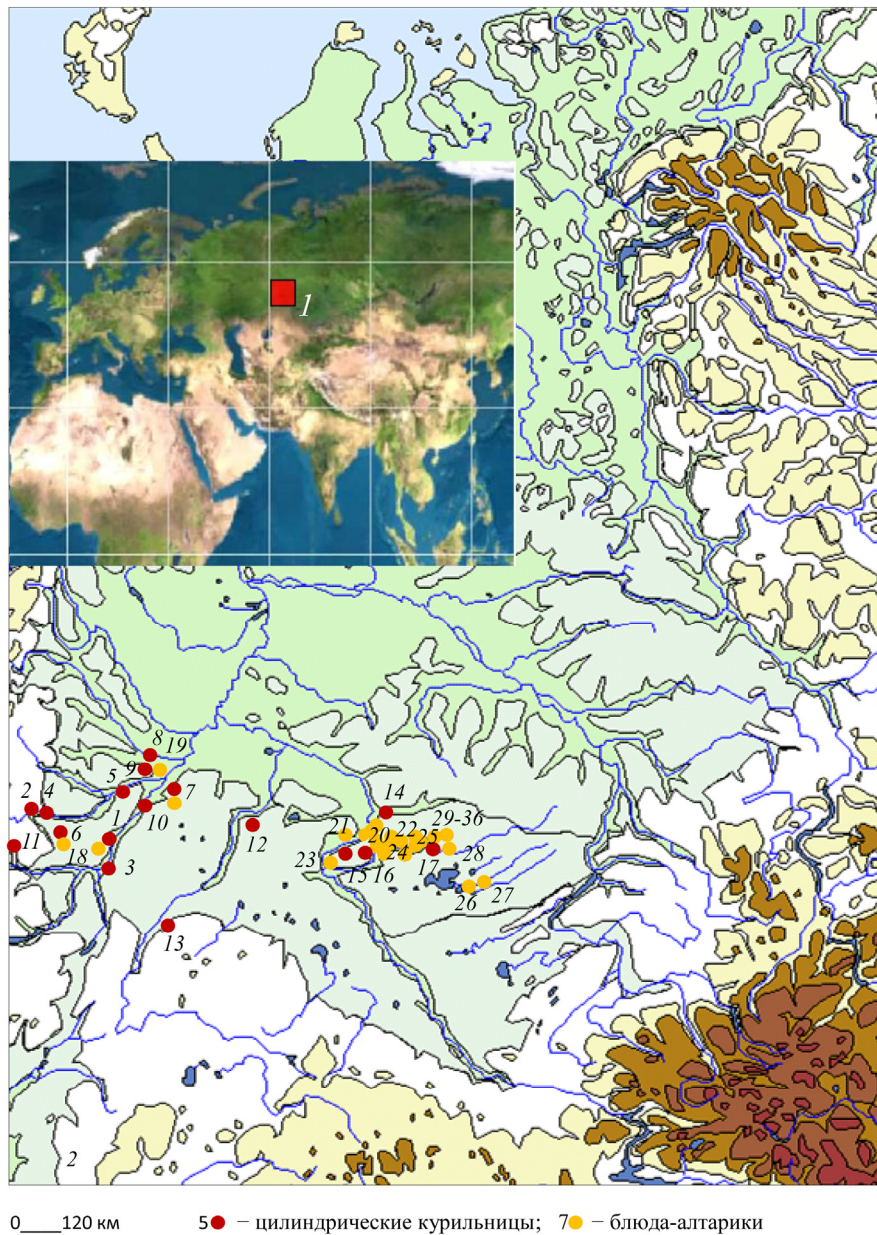

Рис. 1. Распространение цилиндрических курильниц и блюд-алтарики саргатской культуры на территории Евразии (1), Западной Сибири (2):

1 — Тютринский могильник; 2 — Прыговский 2 могильник; 3 — могильник Шикаевка; 4 — Шадринский могильник; 5 — могильник Красногорский Борок; 6 — Рафайловское городище; 7 — могильник Улановка; 8 — Мысовские курганы; 9 — могильник Чепкуль 9; 10 — Старо-Лыбаевский 4 могильник; 11 — Большеказакбаевский 2 могильник; 12 — Узловское поселение; 13 — могильники Степного Приишимья; 14 — городище Саратово; 15 — Розановское городище; 16 — Исаковка 3; 17 — могильник Марково 1; 18 — Савиновский могильник; 19 — поселение Дуванское 2; 20 — могильник Богдановка 3; 21 — могильник Карташово 2; 22 — могильник Калачевка 1; 23 — могильник Стрижево 1; 24 — могильник Красноярка 10; 25 — могильник Старый Сад; 26 — могильник Здвинск 1; 27 — могильник Здвинск 2; 28 — могильник Бергуль 1; 29-36 — могильники Абрамово 4, Сопка 2, Преображенка 3, Венгерovo 7, Новоचेкино 2, Мышайлы; поселение Марково 5.

Fig. 1. Distribution of cylindrical incense burners and altar dishes of the Sargatka Culture in Eurasia (1), Western Siberia (2): 1 — Tyutrin sky burial ground; 2 — Prygovskiy 2 burial ground; 3 — burial ground Shikaevka; 4 — Shadrinsky burial ground; 5 — Krasnogorsky Borok burial ground; 6 — Rafailovskoe settlement; 7 — Ulanovka burial ground; 8 — Mysovskie kurgans; 9 — burial ground Chepkul 9; 10 — Staro-Lybaevsky 4 burial ground; 11 — Bolshekazakbaevsky 2 burial ground; 12 — Uzlovskoe settlement; 13 — burial grounds of the Steppe Ishim basin; 14 — the settlement of Saratovo; 15 — Rozanovskoe settlement; 16 — Isakovka 3; 17 — burial ground Markovo 1; 18 — Savinovsky burial ground; 19 — settlement Duvanskoe 2; 20 — burial ground Bogdanovka 3; 21 — burial ground Kartashovo 2; 22 — burial ground Kalachevka 1; 23 — burial ground Strizhevo 1; 24 — burial ground Krasnoyarka 10; 25 — burial ground Staryi Sad; 26 — burial ground Zdvinsk 1; 27 — burial ground Zdvinsk 2; 28 — burial ground Bergul 1; 29-36 — burial grounds Abramovo 4, Sopka 2, Preobrazhenka 3, Vengerovo 7, Novochechino 2, Myshaily; settlement Markovo 5.

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

Курильница из кургана 10 (погр. 3) Тютринского могильника находилась у правого колена погребенного, вероятно женщины, верхняя часть костяка которой была растащена грызунами [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 130]. Изделие изготовлено из заталькованного глиняного теста и орнаментировано треугольниками вершинами вниз (рис. 2, 1). В этом же захоронении находились глиняные сосуды, железные изделия, обломок бронзового зеркала, золотая серьга, а также «небольшой сосудик баночной формы с наклепными ручками, имеющими сквозные вертикальные отверстия» [Там же, рис. 8, 30].

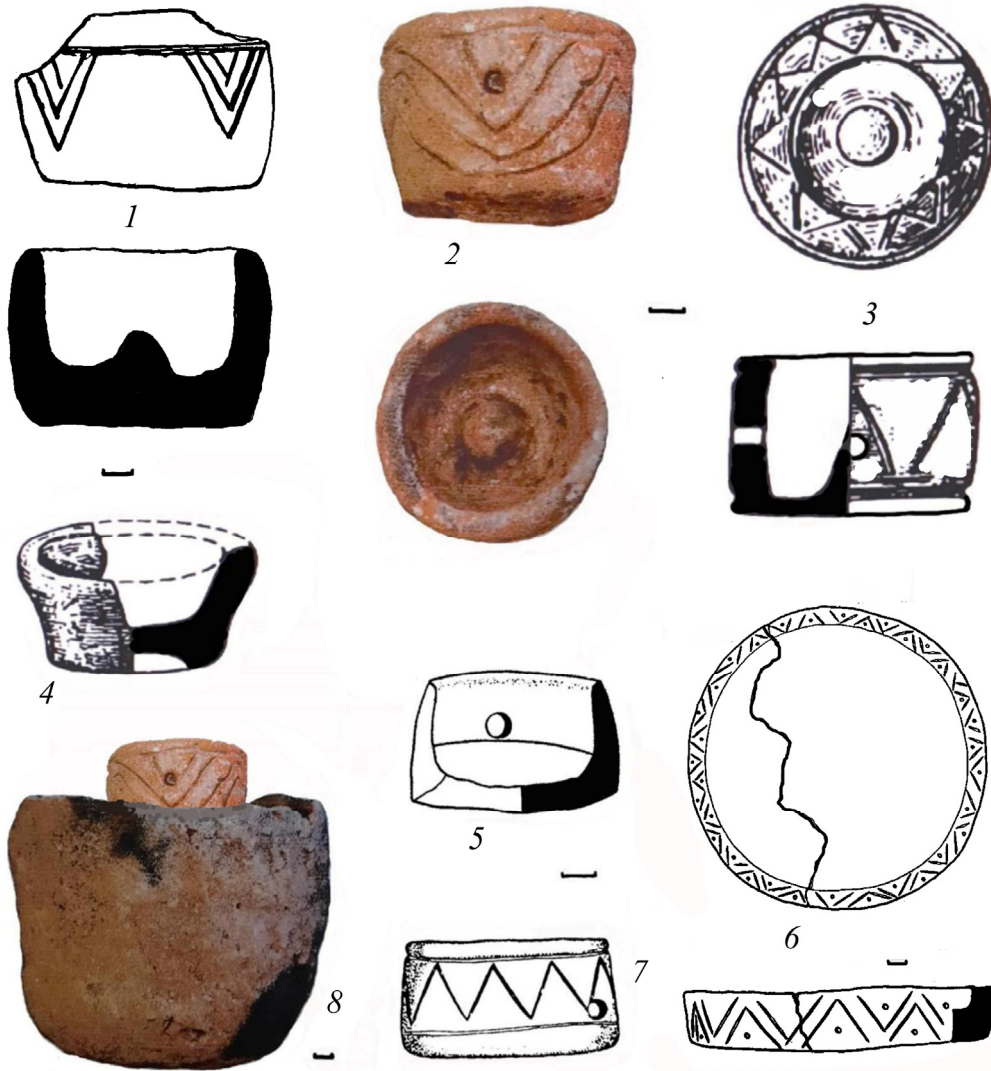

Рис. 2. Цилиндрические курильницы и блюдо-алтарики саргатской культуры:

- 1 — Тютринский могильник; 2 — могильник Улановка; 3 — Розановское городище; 4 — городище Саратово;
5 — Рафайловское городище; 6 — Савиновский могильник; 7 — могильник Красногорский Борок;
8 — использование курильниц (помещение в плоскдонные сосуды с углями): 1–8 — глина.

Fig. 2. Cylindrical incense burners and an altar dish of the Sargatka Culture:

- 1 — Tyutrin'sky burial ground; 2 — Ulanovka burial ground; 3 — Rozanovskoe settlement; 4 — the city of Saratovo;
5 — Rafailovskoe settlement; 6 — Savinovskiy burial ground; 7 — burial ground Krasnogorskiy Borok;
8 — using incense burners (placing in flat-bottomed vessels with coals): 1–8 — clay.

Из Прыговского 2 могильника происходят два экземпляра курильниц. Одно изделие найдено в ограбленном погребении 2, ориентированном с северо-востока на юго-запад [Корякова и др., 2010, с. 65]. В нем была захоронена женщина 30–40 лет, с останками которой наряду с сосудами и другими вещами обнаружена курильница, изготовленная из глины с примесью талька (рис. 3, 3). Вторая курильница, по данным В.Ф. Генинга, происходит «из распаханных курганов к

западу от д. Прыгово на р. Исети» [1962, с. 99]. Представляла собой обломок глиняного с приме- сью талька изделия диаметром 7 см, с сосцевидным выступом на дне и орнаментом в виде кре- стов, выполненных гребенчатым штампом, с двумя сквозными отверстиями в стенке (рис. 3, 5).

Рис. 3. Цилиндрические курильницы саргатской культуры:

1 — Шадринский могильник; 2 — могильник Шикаевка; 3, 5 — Прыговский 2 могильник; 4 — Узловское поселение; 6 — место находки не известно; 7 — Мысовские курганы; 8, 9 — могильник Марково 1: 1, 2, 7 — камень, остальное — глина.

Fig. 3. Cylindrical incense burners of the Sargatka Culture:

1 — Shadrinsky burial ground; 2 — Shikayevka burial ground; 3, 5 — Prygovsky 2 burial ground; 4 — Uzlovskoe settlement; 6 — the place of the find is not known; 7 — Mysovskie kurgans; 8, 9 — Markovo burial ground 1: 1, 2, 7 — stone, the rest is clay.

Курильницы из Шикаевского могильника обнаружены в погребении женщины с ритуальным го- ловным убором и в захоронении, расположенном рядом. Изделие плоскодонной формы из талька с диаметром по дну 9,5 см, по верхнему краю — 9 см, высотой 7 см (рис. 3, 2). Находилась в 30 см выше скопления углей, в неограбленной могиле, у ног погребенной женщины, поставлено вверх дном на глиняном заполнении могилы [Потемкина, 2005, с. 116]. Вторая курильница, из глины, с углями на дне, была найдена в разграбленном погребении недалеко от основного [Там же, с. 117].

Курильница из кургана 3 Шадринского курганного могильника — усеченно-конической фор- мы, с диаметром по дну более 11 см, по верхнему краю — 10,5 см, высотой около 7 см, с тол- щинной стенок 0,7–0,8 см, вырезана из куска талька. Происходит из разграбленного захоронения [Генинг, 1962, с. 93]. Внутри на дне изделия отмечаются четыре сосцевидных выступа высотой до 3,5 см, сбоку на стенке изделия проделано отверстие. Курильница украшена прорезным ор- наментом в виде елочек, треугольников и косых лосенков (рис. 3, 1).

Две каменные курильницы обнаружены в погребении 1 кургана 2 Большеказакбаевского 2 могильника, вместе с ними находился различный инвентарь, в том числе золотые бляшки [Пан- телеева, 2012, табл. 2].

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

В могильнике Красногорский Борок в ограбленном погребении 1 кургана 2 с разрозненными костями ребенка и мужчины в ногах последнего *in situ* найдены сосуд, орнаментированный фестонами, и курильница с прочерченным зигзагом и двумя отверстиями (рис. 2, 7), оба предмета из заталькованного глиняного теста [Матвеева, 1993, с. 46, рис. 24, 24].

На Рафайловском городище найден обломок каменной курильницы с отверстием в стенке (рис. 2, 5) [Матвеева, 1993, с. 75, рис. 37, 25].

Глиняная курильница обнаружена внутри разбитого сосуда в разграбленном погребении 4 кургана 31 Старо-Лыбаевского 4 могильника. Захоронение практически полностью ограблено, найдены отдельные кости 40-летнего мужчины и взрослой женщины. Скорее всего, сосуд с курильницей находился в ногах у погребенных [Матвеева, 2001, с. 105, рис. 8, 10, 12].

Каменная курильница конической формы, с отверстиями и орнаментом в виде двух резных зигзагов, была обнаружена под Тюменью на территории Мысовских курганов (рис. 3, 7). Место находки еще одной курильницы — глиняной, украшенной тремя рядами резного зигзага, хранящейся в фондах Тюменского областного краеведческого музея, неизвестно (рис. 3, 6).

В начале 2000-х г. у г. Ялуторовска А.В. Матвеевым было исследовано два кургана могильника Улановка [Матвеев, 2015], где под насыпью кургана 4 в погребении 1 обнаружены кости черепа, бронзовый браслет, два круглодонных слегка профилированных сосуда. Еще один сосуд, плоскодонной формы, в котором находилась курильница (рис. 2, 2, 8), стоял в ногах погребенной женщины возрастом около 40–50 лет. На межмогильном пространстве обнаружено каменное блюдо-алтарик [Там же, с. 32, рис. 4; 6, 1].

В системе Андреевских озер в кургане 7 могильника Чепкуль 9 было исследовано непотревоженное погребение 11, расположенное в яме подпрямоугольной формы, примыкавшей к рву. От костей погребенного остался лишь тлен (рис. 4, 1, 6). С погребенным найдены серьги из серебра (?) с подвесками в виде небольших овальной формы лепестков (рис. 4, 2, 3), пряслице (имитация?), возможно, нож, низки бус, обломок бронзового зеркала (рис. 4, 4). В ногах стояли два сосуда, круглодонной и баночной форм, без орнамента, внутри баночного обнаружена глиняная курильница, с примесью талька в тесте и отверстием в стенке, орнаментированная прочерченными треугольниками. Рядом с этими предметами у самой стенки могилы стояла каменная плита (рис. 4, 5, 7). Плохая сохранность костей и зубов не позволила определить пол и возраст погребенного, хотя по обряду и инвентарю можно предположить, что это была женщина [Зах, 2009b]. Отметим, что нахождение курильниц внутри плоскодонных баночных сосудов, помещенных в ноги погребенных, достоверно зафиксировано в трех могильниках Притоболья: Старо-Лыбаевском 4, Улановка и Чепкуль 9. Необходимо отметить еще одну находку — в погребении 1 кургана 20 Ипкульского курганного могильника: плоскодонный сосуд, внутри которого помещалась небольшая глиняная емкость, определенная автором как керамическое пряслице [Чикунова, 2017, рис. 8, Г, Д]. Плоскодонный сосуд вместе с емкостью обнаружен у лицевых костей погребенной женщины 25–35 лет, с противоположной стороны черепа находилось глиняное блюдо [Там же, рис. 8, Б]. Примечательно, что в кургане 20 встречена посуда, близкая саргатской [Там же, с. 105].

В исследованных курганных могильниках у с. Абатское в Нижнем Приишимье ритуальных предметов, в частности курильниц, не обнаружено [Мошкова, Генинг, 1977; Матвеева, 1994]. С лесостепных территорий происходит лишь одно изделие «цилиндрической формы с сосцевидным выступом на внутренней поверхности дна и орнаментом в виде косоугольной решетки по внешней поверхности стенки и четырема круглыми парными отверстиями в стенках» (рис. 3, 4), найденное в слое Узловского поселения [Стоянов, 1969, с. 87]. В захоронениях могильников Степного Приишмья обнаружено пять глиняных курильниц баночной формы с отверстием в тулове [Хабдуллина, 1994, с. 62], у изделия из погребения 1 на поселении Борки 2 внутри на дне отмечается сосцевидный выступ [Там же, табл. 21, 5].

Восточнее, в частности в лесном Прииртышье, известны две курильницы цилиндрической формы: одна найдена на Розановском городище (рис. 2, 3), обломок второй, с небольшим поддоном, обнаружен на городище Саратово (рис. 2, 4). Оба изделия изготовлены из глины. Обломки глиняной курильницы были найдены недалеко от фрагментов плоскодонного сосуда в разрушенной центральной части насыпи кургана 3 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, с. 120, рис. 9, 3, 8].

В Барабе обнаружены две глиняные курильницы, происходящие из погребения 1 кургана 5 и погребения 1 кургана 7 могильника Марково 1 [Полосьмак, 1987, с. 72, 78]. Первая представлена небольшой чашечкой с тремя сосцевидными выступами на внутренней части дна и тремя

отверстиями в стенках (рис. 3, 9), вторая — плоскодонной формы, с отверстием в стенке и орнаментом в виде прочерченного зигзага (рис. 3, 8). Обе находились в захоронениях вместе с блюдами-алтариками, одна — с левой стороны несколько выше тазовых костей погребенного, вторая — у головы, на блюде-алтарике.

Рис. 4. Материалы погребения с курильницей могильника Чепкуль 9:

1, 6 — план и вид погребения 11; 2, 3 — серебряные серьги; 4 — обломок бронзового зеркала; 5 — курильница;
7 — набор предметов: каменная плитка, плоскодонный сосуд с курильницей внутри, круглодонный сосуд.

Fig. 4. Materials of the burial with an incense burner at the Chepkul cemetery 9:

1, 6 — plan and view of burial 11; 2, 3 — silver earrings; 4 — fragment of a bronze mirror; 5 — incense burner;
7 — a set of objects: stone tile, flat-bottomed vessel with an incense burner inside, round-bottomed vessel.

Блюда-алтарики. Круглые, овальные или подпрямоугольной формы изделия, выполненные из камня и глины, на ножках и без них. Круглые блюда-алтарики подразделяются на плоскодонные с бортиком и округлодонные без бортика. Многие изделия орнаментированы резным зигзагом, сеткой, вдавлениями. Находят аналогии в саргатских комплексах IV–II вв. до н.э. [Полосьмак, 1987, с. 87].

В Притоболье на Савиновском могильнике в погребении 1 кургана 1 обнаружено орнаментированное блюдо-алтарик круглой формы (рис. 2, б) [Матвеева, 1993, с. 14, рис. 4, 16]. На Рафайловском городище наряду с разнообразными предметами, связанными с хозяйственной деятельностью населения, найдено каменное блюдо подчетырёхугольной формы на ножках, а на поселении Дуванское 2 — глиняное округлой формы также на ножках. Они близки сакским, савроматским и саргатским изделиям из Прииртышья [Матвеева, 1993, с. 77]. Глиняное блюдо-алтарик с бортиком, ор-

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

наментированное треугольниками, заполненными насечками, обнаружено в грабительской яме кургана 3 Гилевского 2 курганного могильника [Матвеева и др., 2018, рис. 4, 6].

В Прииртышке к предметам культа отнесены присутствующие в курганах могильников Богдановка 3 и Карташово 2 каменные курильницы-жертвенники на двух и четырех ножках V — IV—III вв. до н.э. [Могильников, 1985; Корякова, 1988, с. 83]. Каменное блюдо-алтарик овальной формы на четырех ножках и глиняное круглое происходят из погребений кургана могильника Красноярка 10 (рис. 5, 4) [Трофимов, 2017]. Блюда-алтарики из глины найдены в захоронениях курганов Калачевка и Стрижово [Могильников, 1973], изделие круглой формы происходит из погребения 2 кургана 2 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, с. 120, рис. 9, 5].

В захоронениях могильников Старый Сад, Здвинск 1, 2 и кургане 1 могильника Бергуль обнаружены 4 каменных блюда-алтарика [Полосьмак, 1987, с. 86], 11 таких же изделий — в погребениях могильников Марково 1, Абрамово 4, Сопка 2, Преображенка 3 и др. и на поселении Марково 5 (рис. 5, 1–3, 5–7) [Там же, с. 87]. В основном блюда-алтарики обнаружены в женских погребениях вместе с пряслицами, как правило, помещались у головы или слева у бедра погребенного. Местонахождение цилиндрических курильниц и блюд-алтариков указано в таблице.

Основные находки цилиндрических курильниц и блюд-алтариков на территории саргатской культуры

The main finds of cylindrical incense burners and altarik dishes on the territory of Sargatka Culture

Местонахождение (№ памятника на рис. 1)	Кол-во	Материал	Примечание
Цилиндрические курильницы			
1. Тютринский могильник, кург. 7; 10, п.3	2	Тальк; глина	Притоболье
2. Прыговский 2 могильник	2	Затальк. глина	
3. Шикаевка, кург. 4, п.1 и 2	2	Тальк, глина	
4. Шадринский могильник кург. 3	1	Тальк	
5. Красногорский Борок, кург. 2, п. 1	1	Затальк. глина	
6. Рафайловское городище	1	Камень (тальк?)	
7. Улановка, кург. 4, п. 1	1	Затальк. глина	
8. Мысовские курганы	1	Камень	
9. Чепкуль 9, кург. 7, п. 11	1	Затальк. глина	
10. Старо-Лыбаевский 4, кург. 31, п. 4	1	Затальк. глина	
11. Большеказакбаевский 2, кург. 2, п. 1	2	Камень	
12. Узловское поселение	1	Затальк. глина	Пришимье
13. Могильники Степного Пришимья	5	Глина	
14. Городище Саратово	1	Глина	Прииртышке
15. Розановское городище	1	Глина	
16. Исаковка 3, кург. 3, насыпь	1	Глина	
17. Марково 1, кург. 3 и 7	2	Затальк. глина	Бараба
Место не установлено	1	Затальк. глина	Притоболье
<i>Итого</i>	27		
Каменные и глиняные блюда-алтарики			
7. Улановка кург. 4, межмог. прост-во	1	Камень	Притоболье
18. Савиновский могильник кург. 1, п. 1	1	Глина	
6. Рафайловское городище	1	Камень	
19. Поселение Дуванское 2	1	Глина	
20. Могильник Богдановка 3	1	Камень	Прииртышке
21. могильник Карташово 2	1	Камень	
22. Могильник Калачевка 1, кург. 1, п. 6	1	Глина	
23. Стрижево, кург. 2, п. 3	1	Глина	
24. Могильник Красноярка 10	2	Камень, глина	
16. Исаковка 3, кург. 2, погр. 2	1	Глина	
25. Старый Сад, кург. 3	1	Камень	Бараба
26. Здвинск 1, кург. 1, п. 6	1	Камень	
27. Здвинск 2, кург. 1, п. 1	1	Камень	
28. Бергуль 1, кург. 1, п. 1	1	Камень	
29–36. Марково 1, кург. 3, п. 1, кург. 7, п. 1; Абрамово 4, кург. 18, п. 1, кург. 29, п. 2, кург. 32, п. 1; Сопка 1, кург. 25, п. 23; Преображенка 3, кург. 58, насыпь; Венгерovo 7, кург. 2, п. 7; Мышайлы, кург. 5, п. 1; поселение Марково 5, Новочекино 2, кург. 5, насыпь	11	Глина	Бараба
<i>Итого</i>	26		
ВСЕГО	53		

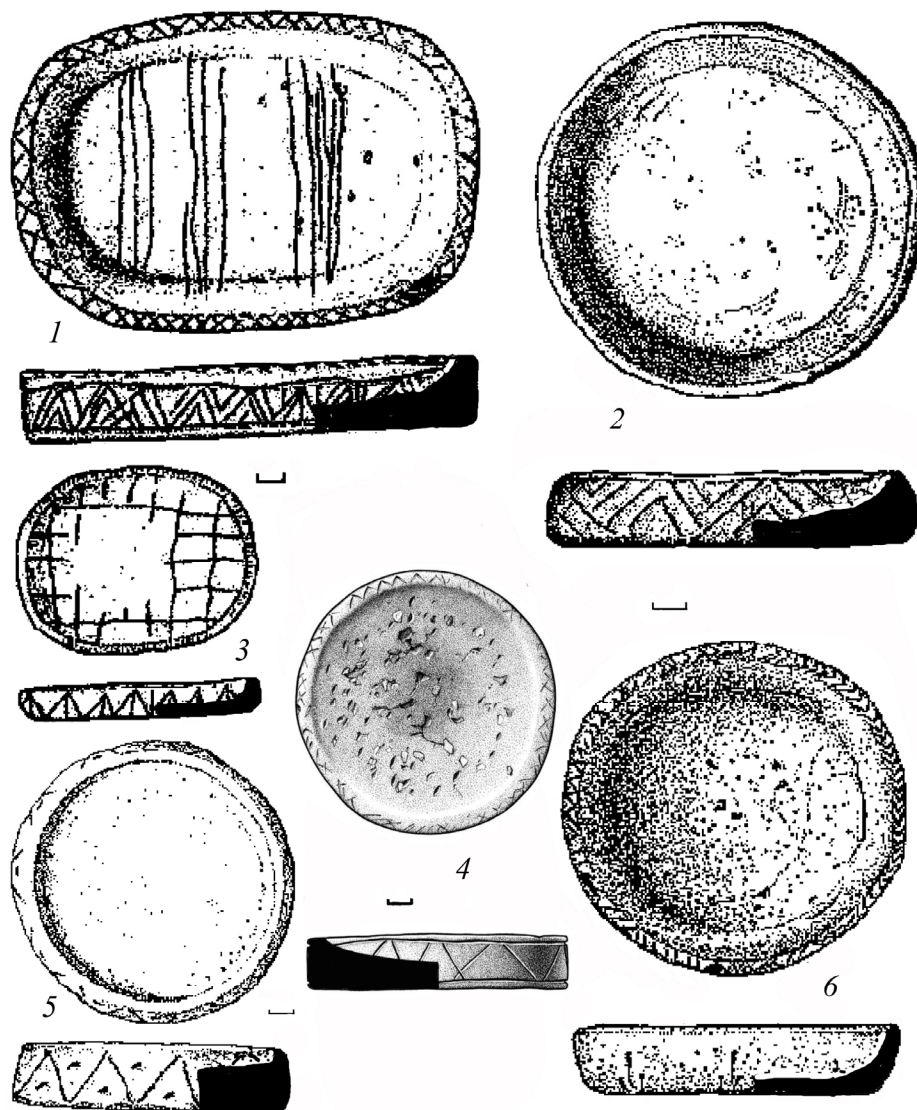

Рис. 5. Блюда-алтарики из могильников саргатской культуры:
 1, 3 — Абрамово 4; 2 — Преображенка 3; 4 — Красноярка 10; 5 — Венгерово 7; 6 — Сопка 2: 1-6 — глина.
 Fig. 5. Dishes-altars from the burial grounds of the Sargatka Culture:
 1, 3 — Abramovo 4; 2 — Preobrazhenka 3; 4 — Krasnoyarka 10; 5 — Vengerovo 7; 6 — Sopka 2: 1-6 — clay.

Обсуждение и результаты

В пределах ареала саргатской культуры от Зауралья до Барабы включительно встречается, как мы видим, в основном два типа рассматриваемых предметов — цилиндрические курильницы и блюда-алтарики (табл.). Курильница из заталькованной глины на поддоне, с верхней частью, разграниченной перегородками, из погребения 2 кургана 7 Тютринского могильника, аналогичная сарматским изделиям Поволжья и Приуралья и родственного населения Средней Азии (VIII тип) [Смирнов, 1973] и типу курильниц катакомбной, афанасьевской и окуневской культур [Егоров, 1970; Вадецкая, 1986], скорее всего, имела другое предназначение, чем рассмотренные выше типы.

Основное количество цилиндрических курильниц обнаружено в западной части саргатского ареала, единичные находки происходят из Пришимья, Прииртышья и Барабы. Восточнее аналогичные изделия неизвестны, но определенное сходство с этим типом имеют экземпляры с низкими стенками, иногда с отверстиями и одним выступом на внутренней части дна или без него, присутствующие в материалах большереченской культуры: на поселении Ордынское 9, могильниках Милованово 2, Новый Шарап 2 и Быстровка 1 [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. III, 9; XXVI, 16; XXIX, 14; XXXVII, 12-14]. Близкий «прообраз» этих изделий обнаружен в слое пере-

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

ходного времени от бронзы к раннему железу Красногорского городища [Матвеев, Аношко, 2009, рис. 19, 14]. Подобны цилиндрическим сосудикам-курильницам так называемые необычные ритуальные сосуды [Вадецкая, 1986, рис. 25–30], встреченные в ранних комплексах на Енисее и Алтае. Просматривается сходство сосудиков-курильниц с плоскодонными раннекаменнобронзовыми курильницами Предкавказья [Панасюк, 2010, рис. 7, 4], а также орнаментированными и неорнаментированными сосудами из могильника Тасты-Бутак 1 [Андроновская культура, 1966, табл. XXX, 2–5]. Очевидно, обряды, связанные с воскурением (и соответствующий инструментарий), появляются в глубокой древности.

Наиболее полные аналоги цилиндрические курильницы находят в I типе изделий прохоровской культуры IV–II вв. до н.э. Сарматские курильницы также имеют отверстия и прорезной орнамент в виде волнистых линий или зигзагов [Смирнов, 1973, с. 167].

Второй тип, представленный каменными или глиняными блюдами-алтариками на ножках или с плоским или округлым дном (25 экз.), в основном встречается в восточной части саргатского ареала. Наиболее близкие им аналоги, правда в основном каменные, с плоским и округлым дном, найдены на территории Приобья в материалах поселений и могильников большереченской культуры (см., напр.: [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. III, 8; XIII, 11–13; XXXVI, 11–13]). Каменные столики, блюда и чашечки встречаются практически на всей территории евразийского пояса степей от Тувы на востоке до Днестра на западе и от Памира на юге до Прикамья и Зауралья на севере, центром ареала является Южное Приуралье [Зуев, 1996]. Глиняные блюда-алтарики, как нам представляется, имеют прототипы в материалах досаргатских комплексов эпохи раннего железа Нижнего Приобья и Приишимья (см., напр.: [Зиминова, Зах, 2009, рис. 24, 4, 17; Зах, 2009а, рис. 5, 1; Илюшина и др., 2019, рис. 6, 1]).

Сосудики-курильницы и блюда-алтарики могли быть атрибутами обрядов, подобных описанному Геродотом в «Скифском логосе», но, видимо, далеко не столь масштабных. В ритуале очищения по Геродоту участвует большое количество людей и используются предметы соответствующих размеров (чан, камни). Вероятно, при этом применялись объемные бронзовые котлы или керамические сосуды.

Курильницы и блюда-алтарики, обнаруженные в саргатских захоронениях, могли использоваться в обрядовых действиях, скорее всего, индивидуального характера. Можно предположить, что после смерти человека изделия, связанные с обрядом, ставились в его могилу, так как, вероятно, являлись его собственностью. Вместе с тем нельзя исключать, что небольшие каменные «переносные алтари», каменные жертвенники, блюда-алтарики, служившие для определенных обрядов, возможно, связанных с огнем, в большей степени представляли собой, вместе с «галькой или палочкой-растиральником, ножом и костяной ложечкой», предметы туалетного набора [Зуев, 1996, с. 59]. По В.Ю. Зуеву, каменные столики, блюда и плоские камни выполняли функцию терочников для приготовления косметики, «которая и при жизни погребенных, и после их смерти могла, безусловно, иметь ритуальное назначение» [Там же, с. 64]. Возможно также, рассматриваемые предметы выступали в качестве светильников.

Из находок, сделанных на территории Приобья, в полной мере с проведением обрядовых действий, связанных с огнем, сжиганием определенных веществ и воскурением, можно ассоциировать лишь цилиндрические сосудики-курильницы. Об этом можно судить по аналогичным изделиям с сопредельных территорий: на дне таких предметов встречаются «сажа, угольки, обгоревшие зерна злаков, зола от сгоревших трав, кусочки смолы или черный слой смолистого вещества в виде каких-то темных жирных пятен. ...Иногда источник огня помещался в другом, более крупном сосуде того же типа» [Смирнов, 1973, с. 167]. Сохранившиеся детали очень важны для реконструкции приспособления и в целом процесса с использованием цилиндрических курильниц. Несмотря на то что большое количество саргатских погребений, в которых обнаружены рассматриваемые изделия, ограблено, все же есть единичные захоронения, в которых в ненарушенном виде присутствовали связанные с ритуальным обрядом атрибуты. Среди них баночные сосуды, которые мы рассматриваем как объемы, в которые помещались угли, а на них ставилась курильница с веществом, которое требовалось воскурить. Плоскодонные баночные сосуды в комплексах раннего железного века немногочисленны и, как правило, помещались в ногах погребенных. Вероятно, по разным причинам плоскодонные сосуды редко встречаются с курильницами, но в погребении 1 кургана 2 Большеказакбаевского 2 могильника, с разным инвентарем, в том числе золотыми бляшками, находились две каменные курильницы [Пантелеева, 2012, табл. 2]. С плоскодонными сосудами-банками, обнаруженными в Мурзинском I мо-

гильнике, кург. 8 (В.А. Булдашов считал их банками-«курильницами», мы же считаем, что это не курильницы, а сосуды, в которые загружался уголь) [2001, с. 470], Гаевском I могильнике, кург. 3, погр. 1 [Культура зауральских скотоводов..., 1997] и других комплексах, собственно курильницы не обнаружены. Необходимо отметить, что плоскодонный сосуд из Гаевского могильника в ограбленном захоронении стоял *in situ* в яме, в юго-западном углу могилы, на кучке углей.

Наиболее информативными являются материалы погребения 11, кургана 7 могильника Чепкуль 9. У ног погребенного находились каменная плитка, плоскодонный неорнаментированный сосуд с курильницей внутри и саргатский круглодонный сосуд (рис. 4). Нахождение в плоскодонных сосудах курильниц в могильниках Улановка, Старо-Лыбаевском 4, а также тот факт, что часто и в разграбленных могилах наряду с цилиндрическими курильницами встречаются целые или в обломках плоскодонные сосуды, свидетельствуют, на наш взгляд, об устойчивом сочетании предметов (плоскодонный сосуд, каменная или керамическая курильница с выступами на дне и отверстиями в стенках), позволяющем реконструировать «инструмент», применявшийся в обряде. Последний мы склонны рассматривать в связи с известной информацией об обрядах прорицания и общения с богами в скифской и эллинской религиозных культурах с отдельными элементами шаманизма. Так, по мифам, в древности в Дельфах в храме Аполлона находилось прорицалище, с отверстием, откуда источались испарения, действующие на животных и человека. Главной фигурой обряда была пифия: перед предсказанием она жевала листья лавра, пила воду из священного источника, затем вдыхала пары, исходящие из расщелины. При этом она испускала невнятное бормотание и дикие крики, которые истолковывались жрецами как воля Аполлона. Позднее пифию стали окуривать дымом одурманивающих растений, которые оказывали похожее воздействие. По утверждению Геродота, с Аполлоном связано и путешествие поклонявшегося ему Аристея, уроженца Проконнеса, достигшего исседонян [Bolton, 1962].

Не исключено, что схожие обряды существовали в саргатском обществе. Можно предположить, как это происходило. Лица (женщина, иногда мужчина) — исполнители обряда в небольшом закрытом пространстве ставили на каменную подставку плоскодонный сосуд, заполненный углями, в который помещалась курильница. В нее бросались вещества, в том числе, вероятно, выделяющие при нагревании и тлении галлюциногены. Во время действия или после проведения обряда увиденное в трансе определенным образом трактовалось. Основной составной частью приспособления была курильница — цилиндрической или конической формы емкость, изготовленная из заталькованной глины или из талька, как правило, со сквозными отверстиями в стенке, способствующими поступлению воздуха внутрь изделия, иногда с сосцевидными выступами на внутренней поверхности дна, увеличивающими площадь поверхности, соприкасающейся с действующим веществом. Важно обратить внимание на размеры курильниц. Они имели незначительный объем, и потому их использование на открытых пространствах, вне относительно компактных помещений, видится неэффективным и нерациональным, как и при скоплении массы людей, если (предположительно) их нужно было ввести в транс. Поэтому, по нашему мнению, цилиндрические курильницы являлись, скорее всего, предметами, с которыми манипулировала особая, малочисленная категория членов общества (о чем может свидетельствовать и сравнительно небольшое количество рассматриваемых предметов).

Список применявшихся галлюциногенов мог быть достаточно представительным. В Сибири к таким растениям относятся, например, багульник (*Ledum palustre*, *Ledum hypoleucum*), можжевельник (*Juniperas macropocla*), полынь (*Artemisia absinthium*), чабрец (*Thymus serpyllum* L.), дурман, белена, красавка, красный мухомор (*Amanita muscaria*) и др. При их сжигании образуется дым. Так, длительное вдыхание дыма от листьев и веток горного можжевельника (артыша) может вызвать опьянение, общее возбуждение, галлюцинации, бред и даже транс [Диксон, 2005]. Наиболее распространенным галлюциногеном является красный мухомор (семейство *Amanitaceae*, род *Amanita*, вид *muscaria*) с ярко окрашенной шляпкой — от оранжевой у молодого гриба до красной у зрелого — с белыми хлопьеобразными выпуклыми крапинками. Галлюциногеном, происходящим из сопредельных областей, является конопля (*Cannabis indica*), содержащая много наркотических веществ. М. Элиаде замечает, что в языках финно-угорской группы слово «мухомор» созвучно иранскому «*bangha*» (конопля), но означает «гриб», иногда — «опьянение», «пьянство». Исходя из этого и текстов гимнов с упоминанием экстаза, вызванного действием грибов, М. Элиаде делает вывод об иранском влиянии на финно-угорский шаманизм [1998].

С мухомором некоторые исследователи связывают сомну — напиток бессмертия богов, вызывающий состояние экстаза и приоткрывающий тайну божественной силы [Бонгард-Левин,

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

Грантовский, 1983, с. 115, 120]. Вероятно, наряду с семенами конопли (эффект от которых описывается Геродотом) мухомор как стимулятор использовался в религиозной практике многих народов севера Европы и Сибири, в культуре которых есть элементы шаманизма.

Применение различных веществ, сжигавшихся в курильницах культур с сопредельных саргатской территорий, документируется остатками в них сажи, угольков, обгоревших зерен, кусочков смолы или слоя смолистого вещества в виде темных жирных пятен [Смирнов, 1973, с. 167]. В саргатских комплексах такие находки единичны. Известна смесь, находившаяся в бронзовом сосуде из погребения могильника Исаковка 1, образцы которой изучены методом газовой хроматографии с масс-спектрометрией. Установлено, что эта смесь состояла из эфирных масел, смол и парафинов, выделенных из различных растений. Авторами исследования сделан вывод, что состав образцов «может быть характерен для ароматической смеси, благовония или фимиама», а также засвидетельствовано отсутствие каннабиноидов и никотина [Домрачева и др., 2020, с. 127–130]. Материальных доказательств ритуального потребления каннабиса немного, и они спорны. Известен случай нахождения в пазырыкском кургане 2 металлического сосуда с камнями с термическим воздействием и обугленной дикой коноплей [Rudenko, 1970]. Подтвержден факт «курения» каннабиса результатом фитохимического анализа содержимого деревянных жаровен с камнями, обнаруженных в погребениях могильника Джирзанкал на территории Восточного Памира [Ren et al., 2019]. Однако, как показано выше, список растений, содержащих вещества, обладающие галлюциногенными свойствами, не ограничивается коноплей. Несомненно, по возможности необходимо шире применять современные методы (например, лазерная спектроскопия) и методики для изучения содержимого и нагаров на сосудах, в том числе курильницах и блюдах-алтариках.

В саргатской культуре курильницы, как правило, сопровождают захоронения женщин, о чем свидетельствуют как антропологические данные, так и сопутствующий инвентарь, причем, судя по погребениям в курганах у д. Шикаевки, Тютрино, в Большешакарбаевском 2 могильнике и захоронению могильника Чепкуль 9 — вероятно, состоятельных. Кто были эти женщины: жрицы-прорицательницы или шаманы, сказать сложно. Ясно только, что они были связаны с обрядом, составной частью которого являлись воскурения, возможно и наркотических веществ. Н.П. Матвеева считает, что «говорить о специализации отправления культов и сосредоточении управления ими одной категорией лиц — “жрецами” или “жрицами” по материалам саргатской культуры нет оснований» [1996, с. 83]. Мы же полагаем, что нахождение в немногочисленных захоронениях курильниц, а иногда и других, «логически» сочетающихся с ними атрибутов как раз может свидетельствовать о выделении в обществе лиц, выполнявших специфические функции при совершении соответствующих обрядов.

Мы безусловно согласны с тем, что следует говорить о локальных различиях в культовых материалах (в западной части саргатского ареала распространены в основном каменные и глиняные курильницы, в восточной — глиняные блюда-алтарики), связанных, на наш взгляд, с особенностями процесса формирования культуры. Отсюда правомерен вопрос, равнозначны ли курильницы и блюда-алтарики в своем применении. Если цилиндрические курильницы можно интерпретировать как инструмент для отправления обряда, в основе которого лежит сжигание, вероятно, веществ, содержащих благовония и/или галлюциногены, то каменные столики, блюда и плитки, по мнению В.Ю. Зуева, использовались для приготовления косметики [1996, с. 64]. Однако присутствие на востоке ареала саргатской культуры среди глиняных блюд-алтариков единичных экземпляров цилиндрических курильниц все же, вероятно, не исключает проведения схожих обрядов с применением и первых, и вторых изделий. На наш взгляд, курильницы цилиндрической формы и блюда-алтарики близки по функции. Отсутствие у последних высоких стенок (вместо них наличествуют бортики) компенсируется большими размерами собственно блюда. Объем использовавшегося вещества в обоих типах изделий, видимо, был примерно равным, а поддержание горения в блюдах-алтариках не требовало дополнительных приспособлений, как в случае цилиндрических курильниц. Трудно представить, что в одной части ареала культуры обряд проводился, а в другой нет; логичнее предположить, что в силу наследования различающихся культур, разных культурных связей на востоке и западе ареала применялись одинаковые по сути, но разные по форме предметы.

Западные саргатские области ближе к савроматским и сарматским территориям, где получили распространение цилиндрические курильницы. Процессы проникновения населения (а вместе с ним, вероятно и возможно, отдельных категорий вещей, в частности курильниц) прослеживаются и на антропологическом материале; так, А.Н. Багашев отмечает, что «строение

черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских «се-рий» [2000, с. 249]. Восточные области ареала соприкасались с территорией распространения комплексов каменной культуры (бийского этапа большевиченской культуры) с блюдами-алтариками из камня (напр.: [Завитухина, 1968; Грязнов, 1956; Троицкая, Бородовский, 1994]). По форме последние близки к саргатским из Барабы — также округлые и подчетыреугольной с закругленными углами формы, но изготовлялись из различных пород камня.

Заключение

Каким образом Геродот получил сведения об отдельных моментах обряда ритуального очищения у скифов: наблюдал непосредственно или узнал из какого-то письменного источника VII–VI вв. до н.э., посвященного кочевникам, возможно исседонам, — неизвестно. Важным представляется, что действие, подобное описанному им (правда, не столь грандиозное и имеющее, видимо, иной смысл), может документироваться ныне набором предметов из некрополей и поселений раннего железного века: курильницы, плоскодонные сосуды, каменные подставки и блюда-алтарики. Судя по всему, они использовались для сжигания и воскурения определенных веществ у населения скифских культур — как минимум в савроматском, сарматском и саргатском обществах. Этот обряд практиковался носителями сарматской и саргатской (по крайней мере, в западной части ареала) культур и осуществлялся, скорее всего, особыми, избранными лицами, после смерти которых весь их инструментарий помещался в захоронении как сопроводительный инвентарь. Если некоторые исследователи трактовали эти изделия как фимиатерии, связанные с воскурением богам, обрядами ритуального очищения, то нам представляется, что они могли быть и атрибутами обрядов с применением галлюциногенных веществ, отправлявшихся с целью прорицания, предсказаний, для общения с богами и духами в обществах ранних скотоводов и металлургов и ранних кочевников, расселившихся в азиатской лесостепи и степи.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроновская культура.* САИ. ВЗ-2. Вып. 1: Памятники западных районов / Отв. ред. М.П. Грязнов; Сост. В.С. Сорокин. М.; Л., 1966. 65 с.
- Археология Южного Урала. Лес, лесостепь: (Проблемы культурогенеза).* Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: Рифей, 2016. 586 с.
- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Борзунов В.А.* Зотинское III городище — укрепленный центр зауральских металлургов начала железного века: Инвентарь и остеологический комплекс // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 69–79.
- Булдашов В.А.* Могильник эпохи раннего железа Мурзино 1 // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск: ИА РАН: МагнГУ, 2001. С. 468–516.
- Вадецкая Э.Б.* Сибирские курильницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
- Генинг В.Ф.* Курганы у гор. Шадринска // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1962. Вып. 4. С. 89–104.
- Генинг В.Ф., Мошкова М.Г.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА. М., 1977. № 133. С. 87–118.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
- Дашевская О.Д.* О скифских курильницах // СА. 1980. № 1. С. 18–29.
- Диксон О.* Мистерии мухомора: Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М.: ВЕЛИГОР, 2005. 94 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: Наука, 1982. 456 с.
- Домрачев Д.В., Хорькова А.Н., Данилов Д.А., Киселева Д.В.* Анализ археологической растительной смеси с применением хроматографических методов // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс: ИМин ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, 2020. Т. 7. С. 127–130.
- Егоров В.Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–163.
- Завитухина М.П.* Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 28–34.

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

- Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009а. № 11. С. 67–80.
- Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009б. № 9. С. 4–21.
- Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 2 (17). С. 29–40.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 54–68.
- Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В. Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 29–47.
- Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (31). 2007. С. 69–79.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры: (Экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: УрГУ, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н., Шаропова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // УИВ. Екатеринбург, 2010. № 2 (27). С. 62–71.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование) / Л.Н. Корякова, В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, С.В. Шаропова. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.
- Матвеев А.В. Раскопки курганного могильника Улановка // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2015. Вып. 7. С. 26–36.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.
- Матвеев А.В., Маслякова Н.Н. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: ОмГУ, 1991. С. 37–41.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–46.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П. Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 81–83.
- Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский 4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 98–113.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Рябогина Н.Е., Третьяков Е.А. Гилевский 2 курганный могильник // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2018. Вып. 10. С. 44–72.
- Могильников В.А. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII–VI вв. до н.э. // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 3–7.
- Могильников В.А. Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 239–247.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. 1963. Д1-10.
- Панасюк Н.В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25–38.
- Пантелеева С.Е. Погребальная керамика гороховской культуры: вариативность как маркер социальных границ // Вестник НГУ. Сер. История, Филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 180–193.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка 3 // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, ОмГУ, 1991. С. 98–127.
- Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 112–120.
- Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 166–179.
- Стоянов В.Е. Узловское поселение // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1969. Вып. 8. С. 65–88.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Трофимов Ю.В. Каменный жертвенник и керамическая курильница // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 134–137.
- Фрибус А.В. Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 48–52.

Зах В.А.

- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- Чикунова И.Ю. Ипкульский курганный могильник: (Результаты раскопок 2010–2011 гг.) // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2017. Вып. 9. С. 79–110.
- Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
- Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxford, 1962.
- Ren M., Tang Z., Wu X., Spengler R., Jiang H., Yang Y., Boivin N. The origins of cannabis smoking: Chemical residue evidence from the first millennium BC in the Pamirs // *Sci. Adv.* 2019. 5. eaaw1391. 12 June 2019.
- Rudenko S.I. *Frozen Tombs of Siberia — The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970.

Zakh V.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

Incense burners and altar dishes of the Sargatka Culture

The paper concerns the so-called incense burners and small altar dishes found in the burial complexes of the Sargatka Culture in the forest-steppe region of the Western Siberia, as well as in the burials of the Cis-Urals nomads of the 4th–2nd c. BC, which were used for burning and incensing of various substances. Compilation of materials allows forming a clearer view on the possible function of these objects, which is debatable amongst the researchers. The incense burners are small cylindrical stone or pottery vessels with considerable amount of talcum in the pottery clay. The altar dishes represent round, oval or subrectangular objects made of stone and clay with or without legs. The cylinder-shaped incense burners and altar dishes are, apparently, similar in function to each other. The absence of a high rim on the latter is compensated by a large area of the dish itself. The volume of the incensed substance would be nearly the same in both types of the burners, while sustaining burning on the altar-dishes would not require special means, such as wall penetrations alike those in the cylindrical incense burners. Few preserved burials contain incense burners alongside other, in our opinion related, objects — flat-bottom vessels, sometimes with stone bases, which allows reconstruction of the implement in its assembled form and suggestion of a method of its application. The main item was an incense burner — a container of a cylindrical or conical shape, usually with through-holes in the wall to allow air intake inside the ware, sometimes having nipple-shaped protrusions on the inner surface of the bottom increasing the surface area of contact with the incense substance. The incense burner would have been placed in a flat-bottom jar filled with smoldering embers and installed on a fire-resistant base. The studied objects and their handling resemble the ceremonial described by Herodotus as a ritual purification amongst the Scythians. However, in our opinion, it cannot be ruled out that they could have been used in the rituals involving hallucinogenic substances, performed with the aim of prophesying, divination, to communicate with gods and spirits, which were practised by people of the Sarmatian and Sargatian (at least in the western part of the area) Cultures and administered, most likely, by special, elected persons. When those persons die, the implements would be placed into their burials as a grave goods.

Key words: Western Siberia, Sargatka Culture, settlements, burials, flat-bottomed vessel, incense burner, altar dishes, ritual ceremonies.

REFERENCES

- Bel'tikova G.V. (1977). Itkul' settlements. *Arkheologicheskkiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 119–133. (Rus.)
- Bolton J.D.P. (1962). *Aristeas of Proconnesus*. Oxford.
- Bongard-Levin G.M., Grantovskii E.A. (1983). *From Scythia to India. Ancient Arians: Myths and History*. Moscow: Mysl'. (Rus.)
- Borzunov V.A. (2018). Zotinskoe III fortified settlement — a fortified center of the Trans-Ural metallurgists of the Early Iron Age: Inventory and an osteological complex. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 41 (2). 69–79. (Rus.)
- Botalov S.G. (Ed.) (2016). *Archeology of the South Urals. Forest, forest-steppe: (Problems of cultural genesis). Seriya "Etnogenez ural'skikh narodov"*. Cheliabinsk: Rifei. (Rus.)
- Buldashov V.A. (2001). Burial ground of the Early Iron Age Murzino 1. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow; Magnitogorsk: IA RAN: MagnGU, 468–516. (Rus.)
- Chikunova I.Iu. (2017). Ipkul burial mound: (Excavation results 2010–2011). *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (9). Tiumen': TiunGU, 79–110.
- Dashevskaya O.D. (1980). About Scythian incense burners. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 18–29. (Rus.)
- Dikson O. (2005). *Mysteries of the fly agaric: The use of a hallucinogenic mushroom in shamanic practice*. Moscow: VELIGOR. (Rus.)
- Domracheev D.V., Khor'kova A.N., Danilov D.A., Kiseleva D.V. (2020). Analysis of archaeological plant mixture using chromatographic methods. In: *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya*, 7. Miass: IMin IuU FNTs MiG UrO RAN, 127–130. (Rus.)

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

- Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. (1982). *The peoples of our country in the "History" of Herodotus*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Egorov V.G. (1970). Classification of incense burners of the Catacomb culture. In: *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii*. Moscow, 156–163. (Rus.).
- Eliade M. (2000). *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Kiev: Sofiia. (Rus.).
- Fribus A.V. (2014). Incense burners in the structure of the burial rite of cultures of the Paleometallic era of steppe Eurasia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universitet*, (3-2), 48–52. (Rus.).
- Gening V.F. (1962). Mounds near the mountains. Shadrinsk. *Voprosy arkheologii Urala*, (4), 89–104. (Rus.).
- Gening V.F., Moshkova M.G. (1977). Abatskoe burial mounds and their place among the forest-steppe cultures of the Trans-Urals and Western Siberia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, (133), 87–118. (Rus.).
- Griaznov M.P. (1956). The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village: Bolshaya Rechka. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, (48). (Rus.).
- Griaznov M.P., Sorokin V.S. (Eds.) (1966). *Andronovo culture*, V3-2 (1). (Rus.).
- Iliushina V.V., Zakh V.A., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kisagulov A.V. (2019). The complex of the fortified settlement Marai 4 of the Early Iron Age of the forest-steppe Ishim River basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 29–47. (Rus.).
- Khabdulina M.K. (1994). *Steppe Ishimye in the Early Iron Age*. Almaty: Rakurs. 170. (Rus.).
- Kisel' V.A. (2007). The story of Herodotus and the ritual vessels of the ancient nomads. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 31(3), 69–79. (Rus.).
- Koriakova L.N. (1988). *Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)*. Sverdlovsk: UrGU. (Rus.).
- Koriakova L.N. (Ed.) (1997). *The culture of the Trans-Ural herders at the turn of the era: (Gaevsky burial ground of the Sargatka community: An anthropological study)*. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg". (Rus.).
- Koriakova L.N., Sharapova S.V., Kovrigin A.A. (2010). Prygovsky 2 burial ground: Nomads and forest-steppe. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 27(2), 62–71. (Rus.).
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. (2005). *The settlement of Mikhailovka is a reference monument of the ancient pit culture (ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (Rus.).
- Matveev A.V. (2015). Excavation of the Ulanovka burial mound. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (7), 26–36. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M. (2009). *Trans-Urals after the Andronovites: Barkhatovo Culture*. Tiumen': Tiumenskii dom pečhati. (Rus.).
- Matveev A.V., Masliakova N.N. (1991). News of the "bug" in Western Siberia and the problem of the origin of the Siberian collection of Peter I. In: *Problemy izucheniia sargatskoi kul'tury*. Omsk: OmGU, 37–41. (Rus.).
- Matveev A.V., Matveeva N.P. (1991). Tyutrin'sky burial ground. In: *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': TiumGU, 25–46. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1993). *Sargatka Culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1994). *Early Iron Age of the Ishim River region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1996). Traces of worship in the burial monuments of the Sargatka Culture. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuiu epokhu: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Peterburg, 81–83.
- Matveeva N.P. (2001). Staro-Lybaevsky 4th burial mound (according to excavations in 1999). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 98–113. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Riabogina N.E., Tret'iaikov E.A. (2018). Gilevsky 2 burial mound. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (10), 44–72. (Rus.).
- Ren M., Tang Z., Wu X., Spengler R., Jiang H., Yang Y., Boivin N. (2019, 12 June) The origins of cannabis smoking: Chemical residue evidence from the first millennium BC in the Pamirs. *Science Adv.*, 5(eaaw1391).
- Mogil'nikov V.A. (1985). To the characterization of the culture of the Irtysh forest-steppe region in the 7th–6th centuries BC. *KSIA*, (184), 3–7. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1973). Kalachevka — a monument of the late stage of the Sargat culture. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri*. Moscow: Nauka, 239–247. (Rus.).
- Moshkova M.G. (1963). Monuments of Prokhorovka culture. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (DI-10). (Rus.).
- Panasiuk N.V. (2010). Early Catacomb Centers of the Steppe Ciscaucasia. *Rossiiskaia arkheologiia*, (2), 25–38. (Rus.).
- Panteleeva S.E. (2012). Burial ceramics of the Gorokhov culture: Variability as a marker of social boundaries. *Vestnik NGU. Seriya Istorii, filologiya*, 11(3), 180–193. (Rus.).
- Pogodin L.I., Trufanov A.Ia. (1991). Burial ground of Sargat culture Isakovka 3. In: *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtysh'ia*. Omsk: OmGU, 98–127. (Rus.).
- Potemkina T.M. (2005). Headdress of the Sargat priestess (based on the materials of the Shikayevsky mound). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*. Vyp. 1. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 112–120. (Rus.).
- Rudenko S.I. (1970). *Frozen Tombs of Siberia — The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

3ax B.A.

- Smirnov K.F. (1973). Incense burners and toilet vessels of Asian Sarmatia. In: *Kavkaz i Vostochnaia Evropa v drevnosti*. Moscow: Nauka, 166–179. (Rus.).
- Stoianov V.E. (1969). Uzlovskoe settlement. *Voprosy arkhologii Urala*, (8), 65–88. (Rus.).
- Trofimov Iu.V. (2017). Stone altar and ceramic censer. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 15 (3), 134–137. (Rus.).
- Troitskaia T.N., Borodovskii A.P. (1994). *Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Vadetskaia E.B. (1986). Siberian incense burners. *KSIA*, (185), 50–59. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009a). Settlement Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009b). Complexes of mound 7 of the Chepkul burial ground 9. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 4–21. (Rus.).
- Zakh V.A. (2012). Koptiyaki Culture in the Lower Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 17 (2), 29–40. (Rus.).
- Zavitukhina M.P. (1968). Ordynka burial mounds of 5th–4th centuries BC. *ASGE*, (10), 28–34. (Rus.).
- Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zuev V.Iu. (1996). The scientific myth about the “Savromat priestesses”. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuiu epokhu: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg, 54–68. (Rus.).

3ax B.A., <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021